

ШАРОН КРИЧ

Замок Корона

Шарон Крич

Замок Корона

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48519186
Замок Корона / Шарон Крич: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-100347-0

Аннотация

Крестьянские дети, брат и сестра Энцио и Пия живут в деревушке рядом с величественным замком Корона. Однажды они подбирают потерянный кем-то кошель с таинственным содержимым, и после этого жизнь их стремительно меняется. Энцио и Пия становятся обитателями королевского замка, разговаривают на равных с принцами и принцессой и узнают тайну своего рождения... Так что же такое было в загадочном кошеле, найденном на берегу реки?

Содержание

Давным-давно за тридевять земель...	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	56
Глава 12	62
Глава 13	68
Глава 14	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Шарон Крич

Замок Корона

Sharon Creech

The Castle Corona

Text copyright © 2007 by Sharon Creech

Illustrations copyright © 2007 by David Diaz

© Касьяненко М., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2019

Посвящается

Перл и Нико

Энни, Сандре Кей,

Мэри Алекс,

Эндрю и Мейделин Уитт,

Джуле Джонатан,

Кейтлин, Меган, Лорен и Моргану

Некогда на высоком холме стоял Замок,
И жил в нём Король, мечтавший вздремнуть,
А ещё – Королева, мечтавшая об уединении,
И Принц, любивший поэзию,
И Принцесса, любившая себя,
И Второй принц, любивший свой меч,
И Отшельник, который был мудр.

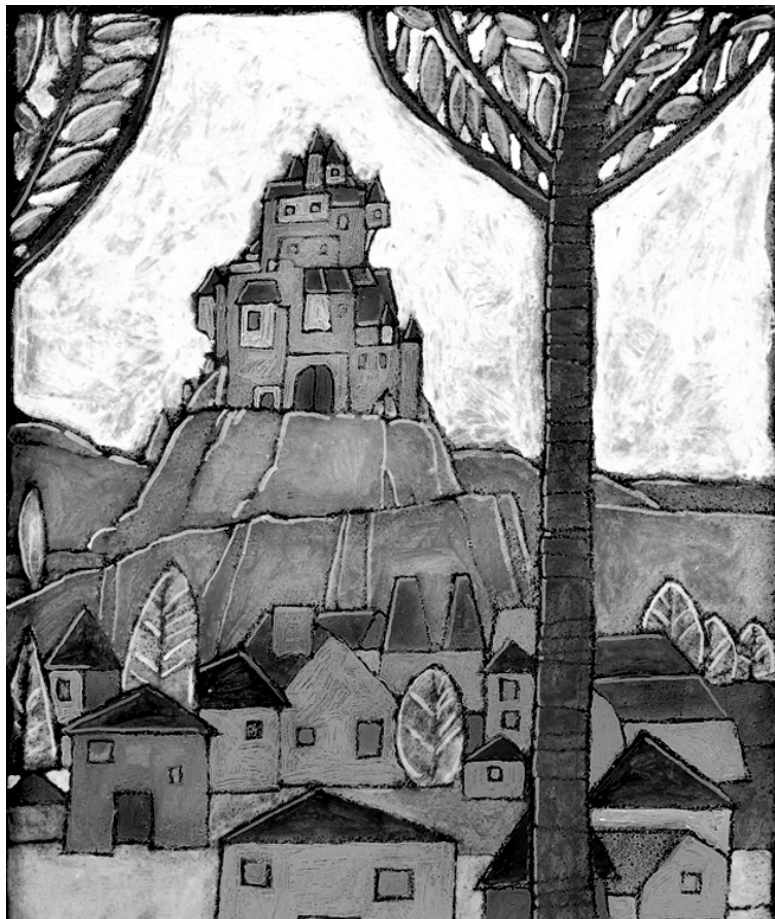
А в долине стояла Деревня,
И жила в ней Крестьянская Девочка,
мечтавшая летать,
А ещё – Крестьянский Мальчик,
мечтавший о лошадях,
И Лавочник, мечтавший о серебряных
карманных часах,
И Старуха, что умела хранить секреты.

**Давным-давно за
тридевять земель...**

Глава 1

Находка

Крестьянская девочка и её брат стояли на коленях на гладких серых камнях посреди реки, набирая в деревянные ведра воду для своего хозяина.

– Что, если построить плот, – начала девочка, – и уплыть на нём вниз по реке?

– Ха! – откликнулся мальчик. – Интересно, что там?

– Много-много излучин и...

– И холмы, и река течёт между ними...

– До самого замка Корона!

Ребята часто играли в эту игру, и сейчас намеревались продолжить её, воображая себе белых коней, золотые сосуды и драгоценности, которыми полон замок. Но их мечты были внезапно прерваны цокотом лошадиных копыт, быстро приближавшихся к ним по тропинке.

Сквозь деревья они увидели, как мимо на вороном коне промчался всадник в чёрном плаще. Всадник хлестал плетью, и та звонко щёлкала о круп лошади. Спустя несколько минут на тропинке появилось ещё несколько лошадей, на которых сидели королевские стражники: на их алых плащах блестели золотом яркие бляхи.

– Стой! Держи вора! – крикнул один из всадников. – Стой! Именем короля!

– Ой! – шёпотом воскликнул мальчик. – Вор?

– Вор?

– И если они его поймают...

– Они отрубят ему голову...

– И порежут на кусочки!

Подхватив вёдра, ребята поспешили на берег. Но, стоило им перейти тропу, по которой умчались наездники, и углубиться в лес, как девочка воскликнула:

– Смотри! Там, в листве!

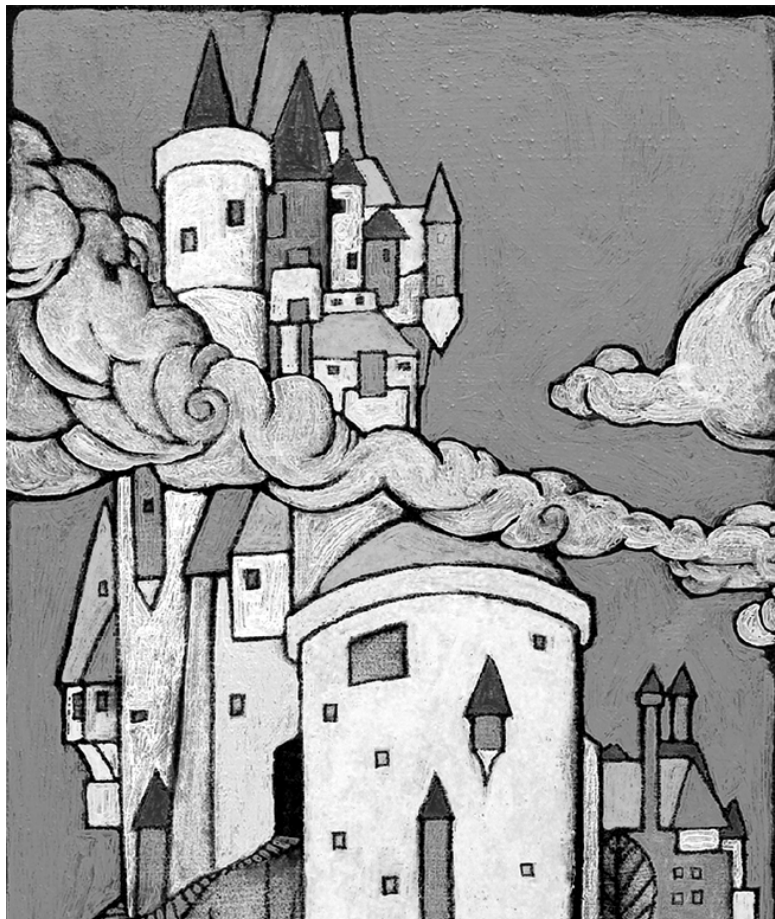
Там, куда она показывала, среди бурых прошлогодних листьев лежал кожаный мешочек с королевской печатью.

– Рискнём? – прошептал мальчик.

– Сюда, давай скорее! – ответила девочка, хватая кошель и увлекая брата в чащу. Там они остановились и прислушались. Всё было тихо.

Глава 2

Если бы...

Замок Корона стоял на высоком холме над широкой и извилистой рекой Вайноно. Днём каменные стены замка переливались золотом, а под луной блистали серебром, так что и днём, и ночью великолепный замок сиял, освещая земли на много километров вокруг. В замке Корона жили король Гвидо и королева Габриэла с тремя детьми. И поскольку нужно очень много людей, чтобы служить королю и его семье и защищать их, то в замке жили ещё сотни слуг и солдат, а также садовники, и конюхи, и их семьи.

Если бы вы жили в далёкой деревне и были бедным крестьянином, – например, таким, как маленькая Пия или её брат Энцио – ребята в соломенных сандалиях, наполнявшие ведра у реки, – вы могли бы, увидев замок, позавидовать его обитателям.

Вы могли бы подумать, как это сделали Пия и Энцио, что-то такое: Вот бы мне быть принцем или принцессой... Носить расшитые золотом одежды... Ездить на белых пони с золотой упряжью... Если бы... Если бы... Тогда моя жизнь была бы прекрасна, легка и великолепна... Если бы, если бы...

Хозяин Пии и Энцио, живот которого был похож на бочку, а лицо пересекал огромный, похожий на змею шрам, однажды сказал ребятам: «Жизнь – это не сказка, маленькие грязные насекомые. Эти ваши мечты, все эти „если бы“, вряд ли принесут вам пользу, зато очень легко причинят вред, особенно если ваш хозяин не будет особо терпим к этим ду-

рацким фантазиям и даст вам кожаной плёткой под коленки, коль заметит, что вы витаете в облаках вместо того, чтобы серьёзно относиться к своим обязанностям!»

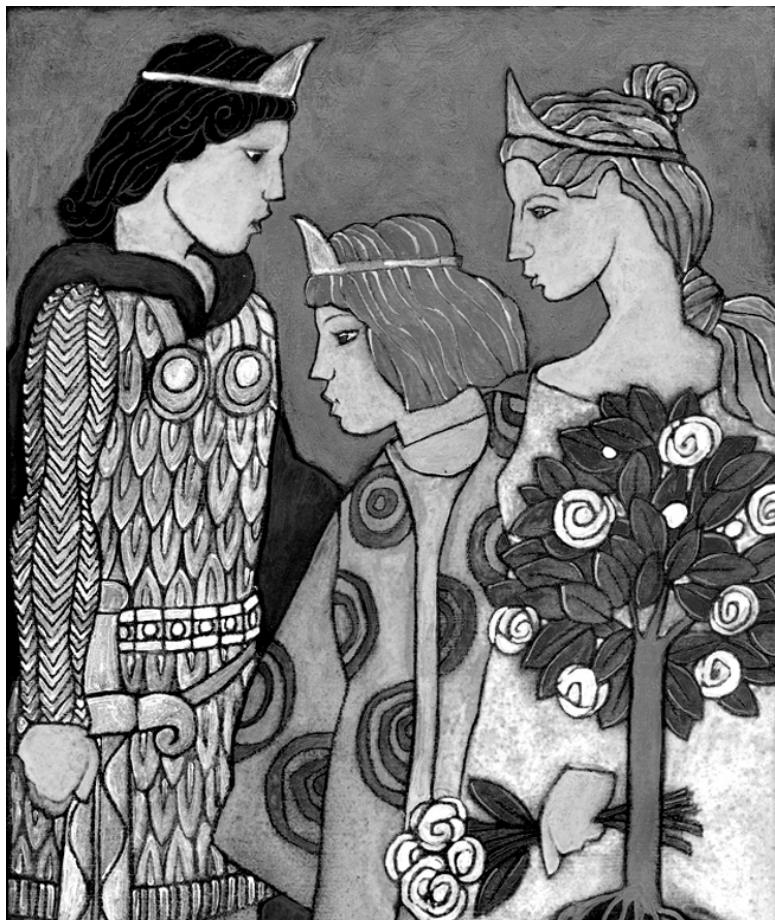
Но ни хозяин, ни Пия и Энцио не знали, что жизнь блистательного Короля и его семьи вовсе не была так прекрасна, легка и великолепна, как казалось сторонним наблюдателям. И те порой думали почти так же: Вот бы мне быть бедным, никому не известным крестьянином... Мне не надо было бы носить эти тяжёлые золотые одежды... Можно было бы не быть постоянно вежливым, и не надо было бы принимать никаких решений... Если бы можно было самостоятельно выбирать друзей и делать, что вздумается... Если бы, если бы...

Как и для крестьян, чьи мечты никогда не приносили им никакой пользы, не приносили пользы подобные мечты и королям с королевами, а также принцам и принцессам: ведь они родились теми, кем были, и ничего не могли с этим поделать.

Обычно не могли.

Глава 3

Тихоня, Инфанти, Неженка

В один из летних дней облака, как белокрылые голуби, медленно, но целеустремлённо плыли по бледно-голубому небу над замком Корона к какому-то далёкому оазису. Принц Джанни стоял коленями на красной бархатной подушке, опершись руками на холодный мраморный парапет и подперев подбородок руками. «Ещё один день, ещё одно небо», – произнёс он в пространство.

Четырнадцатилетний принц Джанни был нескладным долговязым подростком с чёрными непослушными локонами и глубокими тёмными глазами. Его лицо было задумчиво и мягко, что смотрелось не слишком царственно. Но он унаследовал от Короля волевой подбородок и с тех пор, как впервые встал на ноги, его учили двигаться твёрдо и величаво.

– Вам следует ходить царственно, – говорил ему учитель движения. – Встаньте прямо, как дерево. Понимаете? Как дерево, только без растопыренных веток. И когда вы идёте...

– Деревья не ходят, – возразил принц.

– Вы совершенно правы, ваше королевское высочество, наследник престола королевства Корона. Деревья не ходят. Вам надлежит стоять, как дерево. А ходить – как принцу. Я вам покажу. – И учитель движения продемонстрировал ему царственную походку.

А сейчас снизу, со двора, плыл душистый аромат роз и жимолости. Две жёлтые птички, чирикавая, игриво кружились

над кустом розмарина, прячась в него и выныривая обратно. Молодая служанка с огромной охапкой белья для стирки проскочила из одного тёмного дверного проёма в другой.

Принц Джанни не знал, как зовут служанку, и ему было безразлично, какая жизнь течёт в этих тёмных дверных проёмах, и жизнь молодой служанки его совершенно не интересовала. Не то чтобы его ум был поглощён чем-то другим. По правде говоря, его ум часто был похож на большое пустое ведро. Его учителя ежедневно пытались заполнить это ведро, но к их глубокому разочарованию, принц имел способность вновь и вновь опустошать его с поразительной скоростью.

В тяжёлую дубовую дверь трижды постучали.

– Ваше королевское высочество, наследник престола королевства Корона, принц Джанни. Это я, учитель дипломатии. По расписанию у вас...

– А, войдите, войдите, – откликнулся принц Джанни. – Давайте продолжим.

Первый король королевства Корона был таким, каким, по вашему мнению, наверное, должны быть короли: сильный, мудрый и храбрый – настоящий вождь. Но нынешний король Гвидо был уже двенадцатым правителем замка Корона, и, как бы сильны и мужественны ни были его предки, за прошедшие годы эти качества подрастерялись, так что король Гвидо не отличался ни силой, ни мудростью, ни, разумеется, отвагой. Его старший сын, принц Джанни, во многом походил на отца: он был слаб, пустоголов и труслив.

Зато одиннадцатилетний принц Вито, самый юный член королевской семьи, унаследовал некоторые давно утраченные его родичами королевские качества. Это был здоровый, крепкий мальчик, широкоплечий и выносливый, со стальным блеском в серых глазах и гривой тёмно-русых шоколадных волос, величавый и производящий впечатление.

Его гибкий ум легко усваивал любую самую сложную информацию, а его храбрость была такова, что он, можно сказать, вовсе не знал страха.

Возможно, вы сочтёте, что принц Вито был более подходящим кандидатом на королевский титул, но он был третьим ребёнком и вторым мальчиком, «запасным наследником», — а за всю долгую историю этого королевского рода ни один «запасной» ни разу не взошёл на трон.

Была в принце Вито и злость того рода, что, если бы вы были крестьянином, жизнь которого зависела бы от такого, как Вито, вам стоило бы его бояться. Принцу нравилось конфликтовать. Он наслаждался, повелевая. Вито ожидал от окружающих повиновения и считал, что те, кто его не слушается, заслуживают немедленного и строгого наказания.

Пока его брат, принц Джанни, учился этажом выше, принц Вито готовился к уроку фехтования. С ним был его камердинер, пожилой мужчина, всю жизнь прослуживший королевской семье, продвинувшись от помощника повара сначала в конюхи, потом к помощнику помощника камерди-

нера второго принца и, наконец, достигший своей нынешней высокой должности.

– Ваше королевское высочество, второй принц... – начал он.

Принц Вито вздрогнул.

– Никогда – слышишь меня? – никогда больше не смей называть меня вторым принцем!

– Но, ваше королевское высочество... Государь... Вито, принц Короны... Ведь это официальный и корректный титул...

– С этого момента – нет, – отрезал принц Вито. – Я его отменяю. Я запрещаю его!

– Слушаюсь, государь принц, сударь...

Несколько мгновений спустя камердинер принца Вито, будучи совершенно поглощён старанием разгладить морщинку у пояса брюк принца, забылся и вновь обратился к нему: «Ваше королевское высочество, второй принц...»

– Вон! Вон отсюда! – рявкнул принц Вито. – На конюшню! Я приказываю! Пришлите мне нового камердинера!

Принц Вито твёрдо верил в два правила. Первое – что нельзя оставлять непослушание безнаказанным, потому что это ведёт к ослаблению королевства. А второе – что мир подчинён чёткому разделению: есть члены королевской семьи, и есть остальное человечество, и различие между ними всегда должно быть совершенно очевидно.

Нам бы очень хотелось сказать, что принцесса Фабриция была самой сильной, мудрой, храброй и доброй из всех королевских детей, но – увы! – она была легкомысленной и глупой, да к тому же пугалась любого пустяка. С самого рождения её ласкали и баловали, так что двенадцатилетняя принцесса выросла изнеженной и пустой девочкой.

Она унаследовала от матери её ярко-рыжие кудри и небесно-голубые глаза, а её кожа безупречной нежностью была подобна светло-коралловому лепестку розы. Неудивительно, что её так баловали с самого младенчества и так опекали, и лелеяли, и так ею восторгались. И хотя некоторые дети от такого обожания расцветают, принцессу Фабрицию оно сделало несносной.

Этим летним днём, когда принцесса Фабриция поднесла к губам серебряный кубок с молоком, подслащённым шоколадом, оно ручейком пролилось на её лавандовое платье из органзы. «Ах! Аааа!» Это привело к долгой и очень интенсивной истерике: рыдания, всхлипы, причитания, которые ничто не могло успокоить. Служанки мельтешили вокруг, вытирая, промакивая, застирывая... «Аааааа!»

Внизу, во дворе, стояли молодая служанка и мальчик-конюх. Они подняли глаза вверх, к источнику душераздирающих воплей.

– Как думаешь? – спросил юноша. – Она что, муху увидела?

– А может, – предположила девушка, – принцесса заме-

тила в воздухе пылинку?

Глава 4

Крестьяне

Пия стояла в лесной чаще, держа в руках кожаный кошель. Кожа была тонкой и мягкой, и она боялась испачкать её своими грязными руками.

– На, – обратилась она к Энцио. – Держи его осторожно – за шнурок. – Пия вытерла руки о свою юбку из грубой материи. – Ну, а теперь дай мне рассмотреть.

Энцио покорно вернул кошель Пии, чувствуя облегчение от того, что он больше не несёт за него ответственность. Пия осмотрела королевскую печать на одной из сторон мешочка.

Сложный узор, выстеленный золотой нитью, изображал щит.

В каждом из четырёх углов щита располагалась эмблема, также вышитая золотыми нитями. Три из этих рисунков Пия узнала легко: это были замок, корона и дерево.

– А что это четвёртое? – спросила она у Энцио.

Всем, даже Пии и Энцио, было известно, как выглядит королевская печать.

Она была оттиснута на всех официальных декретах, которые вывешивались в деревне, на мешках с пшеницей и кукурузой, на знамёнах и алых плащах королевских стражников. Но никогда Пия и Энцио не рассматривали этот рисунок так внимательно.

– Морковка? – предположил Энцио.

Пия фыркнула:

– Не может быть! Угорь? Или, может, червяк...

– У короля? Ни за что не поместит он червяка на печать!

– Верно, – согласилась Пия. Она аккуратно взвесила мешочек в руке. – Не очень тяжёлый. И что-то позвякивает.

– Может, это монеты? Золотые монеты?

– Может быть. Подожди. Слушай... – Ровный цокот копыт снова слышался со стороны дороги.

– Возвращаются, – шепнул Энцио. – Ищут.

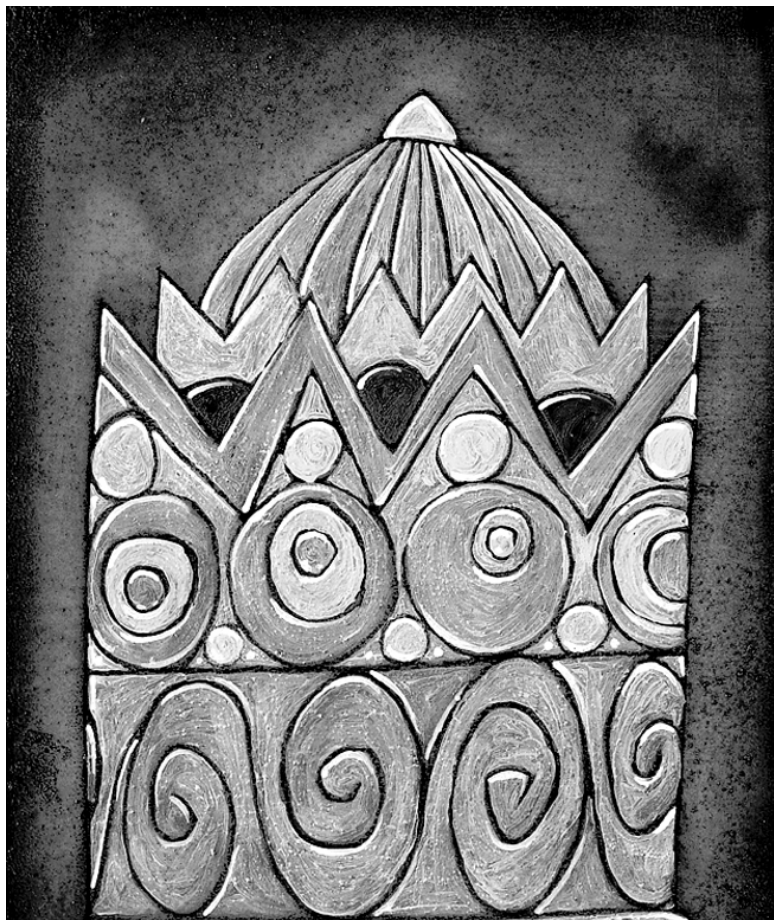
Сквозь чащу они увидели двоих королевских стражников, скачущих по тропинке в направлении, противоположном тому, куда они уехали. За ними следовал одинокий стражник, ехавший медленно, останавливаясь то тут, то там.

– Он что-то ищет, – прошептала Пия.

Энцио выхватил из её рук кошель и закопал его в груде листвы.

Глава 5

Король с королевой

Король Гвидо и королева Габриэла, одетые в золотые одежды и с золотыми коронами на головах, восседали в тронном зале. Перед ними стоял министр распорядка дня, докладывавший им об их планах на день. Министр распорядка дня был низкорослым, круглолицым толстым человечком с нелепыми чёрными усиками, завитыми вверх на концах, отчего казалось, что он постоянно ухмыляется. Пуговицы зелёного шёлкового жилета еле удерживали его круглое пузо, полные бёдра тряслись как кисель под голубыми шёлковыми брюками, а крошечные ножки в остроносых фиолетовых туфлях выглядели слишком маленькими для столь массивного человека. Голос министра был низок и походил на гул целой стаи саранчи в полёте.

Он уже доложил о назначенных приёмах министра питания, министра церемониала и министерши домашнего хозяйства и вещал о встрече с министром по связям с деревней. «В два часа министр сделает свой ежемесячный доклад об экономике и социальной стабильности в...»

Король зевнул.

– Как скучно, – сказал он. – Скучно, скучно, скучно. – С этими словами король поправил рукав золотого камзола. – Эти одежды так чешутся.

Королева погладила его по руке.

– Ещё немного, Гвидо, милый, – успокаивающе мурлыкнула она. Министр продолжал свою речь, а она перевела

взгляд на витражи над его головой. Солнце, струясь через них, переливалось на полу великолепными жёлтыми, зелёными, синими и сиреневыми лучами.

Королева Габриэла была эффектной женщиной: высокая и стройная, с рыжими кудрями и пронизательными васильковыми глазами, под взглядом которых у многих посетителей замирало дыхание, а их глаза смиренно опускались в знак признания неполноценности их хозяев. На публике она всегда подчинялась королю, а её речь всегда была тихой и мягкой. Список фраз, которые она произносила по официальным поводам, состоял из «приятно познакомиться», «очень приятно познакомиться», «спасибо за визит» и «большое спасибо за визит».

Ей докладывали о всяческих незначительных вопросах: испачканная мантия, испортившаяся дыня, увядшие цветы. «Неужели никто из окружающих не способен включить мозг? – размышляла она. – Неужели никто не думает о более серьёзных вещах?»

Для королевы список подобных «более серьёзных вещей» был длинен и разнообразен, и именно он занимал её ум во время обычных церемоний, праздников и приёмов.

Как выглядит океан? А джунгли? А лев? Каково бы это было – снова бродить, где вздумается? Что чувствует человек, который пишет музыку – записывает ноты, слышит их в голове ещё до того, как музыкальный инструмент превратит их в звуки?

Порой размышления королевы принимали грустное направление: что случилось с её родителями и братьями, давно оставленными в другом королевстве?

Король Гвидо тоже позволял своим мыслям улетать прочь во время бесконечных официальных церемоний, но его мысли блуждали в других сферах. Он надеялся, что больше не встретит в саду змей. Он боялся змей.

Ещё он мечтал, чтобы его одежды перестали чесаться и он мог ходить повсюду в мягкой ночной рубашке. Чтобы ему не нужно было постоянно ходить вверх-вниз по этим холодным каменным ступеням, ведущим из спальни в тронный зал. Чтобы можно было не ехать на охоту с сегодняшними гостями. Его зад всё ещё ныл после вчерашней поездки.

В тронном зале в этот момент министр распорядка дня, сжавшись, произнёс:

- И в заключение министр обороны доложит о воре.
- О воре? – воскликнул король. – О каком ещё воре?
- О воре? – повторила королева.

Министр суетливо закопошился в документах и утёр лоб алым платком. Именно этого он и боялся – что они обратят внимание на слово «вор». Вот почему он оставил это на самый конец, в надежде, что они будут особенно невнимательны или так нетерпеливо ждать, когда же он закончит, что не расслышат столь малюсенькое словечко.

Лежащая на колене рука короля подёргивалась.

- Ты сказал *вор*?

– Нам не послышалось? – переспросила королева.

– Может быть, пусть министр обороны сам отчитается? – предложил министр.

– Но ты сказал *вор*...

– Разумеется, не у нас, – добавила королева. – Ты же не хочешь сказать, что вор завёлся в нашем королевстве?

– Я не располагаю этой информацией, – ответил министр. – Уверен, что министр обороны всё объяснит. – С этими словами он поспешно откланялся и ретировался, оставив короля с королевой в задумчивости сидящими на тронах, глядя друг на друга.

«Вор?» – думали они оба озадаченно.

Король не мог припомнить, когда он последний раз слышал слово «вор». Слышал ли он его вообще когда-нибудь? А если нет, то откуда он знает, что оно значит?

Королева Габриэла умела читать его мысли:

– Это из историй про воров, которые рассказывал Сказитель...

– Ужасно! Воры вечно пытаются украсть что-то, что им не принадлежит.

– Но у нас в нашем королевстве нет воров, Гвидо, милый. Правда?

– Ни в коем случае! – пробормотал король. – Ни в коем случае! Ужасная штука эти воры.

Но королева всё-таки задумалась: а почему, собственно, у них нет воров? По каменным ступеням она направилась к се-

бе в спальню, но остановилась на площадке лестницы. Внизу раскинулся внутренний двор, в котором суетились слуги. В нём цвели цветы и то тут, то там летали туда-сюда птицы. За открытыми главными воротами замка видны были более пышные сады. Одна из дорожек шла через них к «причуде» короля – домику отшельника.

Позади него виднелась каменная стена, а внизу расстилались прекрасные и так хорошо знакомые зелёные холмы и пастбища, усеянные полевыми цветами. Между холмов живописно вилась река Вайноно, серебристо-синяя на солнце, а вдаль, на её берегу, стояла деревня. Она представляла собой множество разбросанных тут и там невысоких каменных домиков с красными черепичными крышами, рыночную площадь с яркими синими, красными и золотыми флажками, а на окраинах – ряды деревянных хижин с соломенными крышами.

С лестничной площадки королеве было видно всё её маленькое королевство Корона. Она думала о крестьянах, которых видела два раза в год, во время своих регулярных визитов в деревню. Их лица всегда были хорошо умыты, а одежда, хоть и сшита из грубой ткани и мешковины, чистой. Дети с восхищением смотрели на них с королём, протягивая букеты полевых цветов, собранных на лугах. Как среди них мог оказаться вор?

Король Гвидо стоял посреди тронного зала, всё ещё не в силах оправиться от впечатления, которое на него произве-

ло слово «вор». Он не думал о деревенских крестьянах. Его мозг сверлила лишь одна мысль: Что было украдено?

– Приведите ко мне министра учёта! – приказал он своему первому слуге.

– Учёта чего? – переспросил слуга. – Продовольствия? Одежды? Лошадей? Оружия? Серебра? Золота? Или...

– Достаточно! – воскликнул король. – Приведите их всех! Всех министров учёта ко мне!

Глава 6

Попались

Пия была стройной девочкой с большими миндалевидными глазами, густыми чёрными ресницами, выющимися тёмными волосами, длинными ногами и лёгкими, грациозными движениями.

Во многом она была очень непохожа на других крестьян их деревни, которые были крепки и коренасты, а двигались быстро и без изящества. Пия не знала, сколько ей лет. Хозяин говорил, что двенадцать, а старушка из дома в их переулке – что тринадцать.

Жители деревни прозвали её Девочка-орлица за пронзительный взгляд и твёрдость. И, хотя она часто мечтала научиться летать, она была не из тех, кому легко дать определение. Она могла быть яростной, если бросить ей вызов, но умела и промолчать, сдерживая эмоции. Ей была присуща девичья открытость, с какой она умела радоваться мелочам: парящей в небесах птице или найденному на рынке лоскутку алой ткани. Но умела она быть и очень взрослой: старалась не жалеть себя, уважала чувства других людей и заботилась о брате.

Пия редко переживала из-за повседневных проблем, предпочитая размышлять о том, откуда они с Энцио появились и что ждёт их в будущем.

Эти мечты были исполнены надежд и возможностей, хотя ничто в реальной жизни до сих пор и не давало ей повода думать, что она как-то может измениться: ничто, кроме че-

го-то внутри неё, что и делало Пию самой собой.

Пия не помнила своих родителей и сохранила в памяти лишь смутный образ высокого стройного человека, которого она называла дедушкой. Иногда в её мозгу мелькало воспоминание о странном путешествии под одеялом в скрипучей повозке лунной ночью, о вкусе соли на губах, запахе чеснока в воздухе, шёпоте вокруг и о том, как кто-то всё повторял: «*Bellissima, bellissima*».

Она не помнила, был ли в этой повозке Энцио, но во всех более поздних воспоминаниях он был, как было и сознание того, что он её брат и она как старшая обязана о нём заботиться.

Энцио был худым и гибким мальчиком, высоким для своего возраста (сколько ему было – десять? Одиннадцать?), с угловатым, но приятным лицом, обрамлёнными непослушными выющимися каштановыми волосами, летом отливавшими золотом. Его длинные тонкие руки, мозолистые от работы, как и лицо, загорели на солнце. Энцио смотрел на мир открытым доверчивым взглядом, но становился очень осторожен, если Пия скрывалась из виду.

Самым ранним воспоминанием Энцио было то, что Пия перевязывает ему коленку в тёмной, грязной хижине их хозяина. Он не помнил ни матери, ни отца – лишь Пию, которая всегда была с ним рядом. Пия рассказала ему, что они не всегда жили с хозяином, что их туда привезли, но и она не знала, кто и когда.

Часто они вместе представляли себе, что приехали из какого-то совершенно другого места, особенного, куда они когда-нибудь снова найдут дорогу, и найдут там родителей, бабушек и дедушек, тётъ, дядь и кузенов.

Помимо совместных мечтаний, мечтали они и по отдельности. Энцио мечтал об обильной еде, о путешествиях по реке на плоту, а чаще всего – о прогулках в полях верхом на белой лошади.

– На коне я мог бы поехать куда угодно, Пия, совершенно куда угодно!

А Пия мечтала войти в ворота замка, потому что ей хотелось посмотреть, что там внутри. А ещё она мечтала взять за руку кого-то близкого, кроме Энцио, чтобы почувствовать, что они не одиноки в этом мире. А самая частая и неправдоподобная её мечта была – летать: чувствовать, что она может взлететь и двигаться над миром туда, куда пожелает.

Однако в этот день они присели в зарослях у реки, глядя, как одинокий королевский стражник едет на коне по тропинке.

Он останавливался то тут, то там, вглядываясь в листву.

– Ищет, – прошептал Энцио.

– Этот кошель, – кивнула Пия.

Энцио посмотрел на грудку листьев, в которую они спрятали кожаный кошель с королевской печатью.

– Может быть, за него объявлена награда?

– Крестьянам? Вряд ли.

– Стоять! – крикнул стражник. – Выходите! – Он вытащил меч и направил его в сторону ребят.

Пия и Энцио встали.

– Тут только мы, – сказал Энцио. – Крестьяне.

– Ну-ка, выходите. Медленно, – приказал стражник.

Пия и Энцио вышли из зарослей, потупив взгляд, как их учили. Они видели мускулистые ноги лошади, блестящие чёрные сапоги всадника и подол его алого плаща. От лошади пахло конским потом.

– Посмотрите на меня! Я хочу видеть ваши чумазые физиономии!

Ребята подняли головы и увидели блестящую гнедую лошадь и высокого крепкого мужчину с тяжёлым взглядом и большим носом, весь его алый плащ с блестящими золотыми пряжками и королевский герб на груди.

– Что вы здесь делаете? – требовательно спросил он.

Пия хотела ответить, но обернулась к Энцио, потому что её учили, что солдат будет ожидать ответа скорее от мальчика, чем от девочки.

– Ходили к реке за водой, – ответил Энцио.

– Через кусты?

– И за ягодами, – добавил Энцио. – Для хозяина.

– А кто ваш хозяин?

– Лавочник Пангини.

– Я его знаю: такой надутый, ему нравится считать себя важной птицей. – Стражник убрал меч в ножны, но не спе-

шился. Глядя на ребят сверху вниз, он спросил: – Вы видели здесь кого-нибудь?

Пия аккуратно коснулась Энцио, подавая ему знак быть осторожным.

– Одного всадника на вороном коне, – ответил Энцио. – За ним гнались королевские стражники, а потом два стражника проехали назад.

Солдат посмотрел на детей, оценивая услышанное.

– А ещё что?

– Больше ничего, – покачал головой Энцио. – Вы его догнали, всадника на вороном коне?

Солдат заёрзал в седле и оглянулся туда, откуда приехал.

– Вы ничего не находили? Всадник ничего не выронил? Или, может быть, выбросил?

Из опыта жизни у лавочника Пангини Пия и Энцио узнали, что правду нужно беречь, как сокровище. Если бы они знали и уважали солдата, они могли бы одарить его своей истиной, но они были с ним осторожны. Инстинктивно они показали ему свои открытость и нетерпение.

– А что это могло быть? – спросил Энцио. – Хотите, мы поищем?

– Если бы вы нашли что-то... что не принадлежит вам, похожее на... выглядящее как важное... Что бы вы сделали?

Пия и Энцио переглянулись и пожали плечами.

– А что нужно с этим делать? – спросил Энцио.

Королевский стражник нахмурился и посмотрел на них

так, будто хотел просверлить их взглядом:

– Вы бы не оставили это себе?

– Нет! – сказал Энцио. – Ни за что!

– Оставить значило бы украсть, – добавил стражник.

Энцио и Пия промолчали.

– Если найдёте что-нибудь, отнесите старухе Ферелли: знаете её?

– Все её знают, – ответил Энцио.

– Отнесите эту вещь ей, а уж она знает, что делать.

– Надеюсь, мы найдём! – воскликнул Энцио. – Это очень важная штука?

– Она... она имеет значение. Помните мой приказ! – с этими словами стражник ускакал в сторону замка.

Пия оглянулась на заросли.

– «Имеет значение», – повторила она эхом.

Энцио глубокомысленно кивнул:

– Имеет значение!

Глава 7

Царственные наездники

Принц Джанни, наследник престола, и принц Вито, второй принц, восседали на белых конях в ожидании принцессы Фабриции. Их сопровождали девять королевских стражников, которые должны были быть их свитой и охранять их.

Два конюха пытались помочь принцессе Фабриции подняться по переносной лесенке и сесть в седло.

– Осторожней! – командовала принцесса. – Это новое платье и новая мантия.

Принц Джанни сидел на коне прямо и твёрдо, его взгляд был устремлён в поля.

– Ещё один день, ещё одна прогулка, – пробормотал он.

Лошадь принца Вито гарцевала на месте и фыркала, как будто ей передалось нетерпение всадника. Он хотел бы галопом нестись через поля и луга, до самого леса, но понимал, что в компании принцессы ему предстоит лишь медлительная благообразная прогулка.

Королева, охваченная внезапным приливом материнской гордости, наблюдала за детьми из окна. Как царственно они выглядят!

Обычно она очень трезво оценивала недостатки своего потомства. Она прекрасно видела угрюмость и пустоголовость принца Джанни, отдавала себе отчёт в агрессивности принца Вито и часто стыдилась истерик принцессы Фабриции. Но этим солнечным днём, глядя на сидящих на белых конях детей, она ощущала лишь нежность и лёгкую тревогу

за них. Эти чувства удивили её, поскольку беспокойство было ей не свойственно, а страх и вовсе чужд. Что случилось? Может быть, это из-за того, что в её мозгу всё ещё звучало слово «вор»?

Король тем временем возлежал на парчовом диване в своей гардеробной, страдая от беседы с первым камердинером относительно того, какие брюки и какой королевский камзол надлежит сегодня надеть.

– Осмелюсь порекомендовать вам вот это, – сказал камердинер, протягивая ему шёлковую куртку кремового цвета, украшенную королевским гербом и тяжёлыми золотыми шнурами на манжетах и лацканах.

– Он слишком чешется, – ответил король.

– Тогда, может быть, это?

– Синее мне надоело.

Кто-то дважды робко постучал в дверь.

– До чего ж надоели! – пробурчал король. – Кто на этот раз? Войдите, войдите!

Дверь открылась, и в комнату вошла целая толпа – сорок семь человек. Все они были одеты в красно-чёрные одежды королевских служащих.

– Это ещё что? – проворчал король. – Кто вы такие? Что вам надо?

Один из вошедших взял слово за всех:

– Ваше величество, мы министры учёта. Вы нас вызывали.

Король хмыкнул.

– Мы явились в полном составе, за исключением министра учёта овощей, поскольку он, к сожалению, болен.

– Не думаю, что его отсутствие создаст трудности, – проворчал король. – Ладно. Я хочу знать, что у нас пропало.

– Пропало, ваше величество?

– Да, пропало. Кто из вас заметил пропажу чего-то, подлежащего учёту?

Министры переглянулись. Невысокий седой мужчина, стоявший где-то в задних рядах, ответил:

– Простите, ваше величество, но, если вам необходимы последние данные, нам всем придётся провести инвентаризацию.

– Вот тебе раз! Разве вы не этим занимаетесь постоянно? Разве вы не проводите инвентаризаций?

Седой мужчина прокашлялся:

– Да, ваше величество. Но не ежедневно.

– А как часто? Когда вы в последний раз это делали?

Министры снова переглянулись, в надежде, что отвечать возьмётся кто-то другой. Слово взял стоявший ближе всего к королю юркий бледный человек:

– Скажу за себя: я министр учёта овса, и последнюю инвентаризацию я проводил две недели назад.

– Две недели назад? – переспросил король. – Значит, если бы что-то пропало, скажем, на этой неделе, ты бы не смог мне об этом сказать?

– Пропало, ваше величество?

– Да, пропало! Что-то пропало!

– Что именно, ваше величество?

Две багровые вены вздулись у короля на лбу.

– Если бы я знал, что именно, я бы не стал вас вызывать!

Я хочу знать, что пропало, и хочу знать это ещё до темноты.

– Сегодня?

– Да, сегодня! А теперь – идите прочь все вы, и чтобы до темноты у меня был полный отчёт. Сегодня же!

Министры вышли, встревоженные, а король вновь уронил голову на подушку дивана. Он устал. Король не любил конфликты. Не любил приказывать. Он хотел вздремнуть.

Глава 8

Хижина отшельника

Время от времени, когда король чувствовал себя опустошённым, он отправлялся за ворота замка, вниз по пологому склону, в стоявший невдалеке скромный каменный дом. Его путь пролегал через окружавшие замок сады, роскошные и очаровательные, по усыпанным галькой дорожкам меж аккуратно подстриженных живых изгородей и через лавандовые поля, где цветы щекотали его лодыжки.

Последний раз во время такой прогулки он остановился отдохнуть на резной гранитной скамье, вдыхая сладкие ароматы и с восхищением наблюдая за небольшой птичкой с золотым оперением, сидевшей на соседнем кусте.

– Может быть, ты птичий король, – сказал король вслух. Птичка наклонила головку. – И ты, как и я, отдыхаешь здесь от управления своим королевством, да?

Птица, казалось, внимательно слушала, и это позабавило короля. Он наслаждался необычным ощущением покоя в тот момент, когда заметил движение справа от себя, на краю каменной тропинки. Змея. Длинная, чёрная змея скользила по дорожке. Король вскочил, прижав руки к груди и топая по земле ногами.

– Прочь! Прочь! Сгинь отсюда! – скомандовал он. Золотая пташка вспорхнула с куста и улетела. Змея остановилась. – Сгинь! – повторил король.

Вместо того чтобы исчезнуть, змея поползла по дорожке в сторону короля. Сбитый с толку и напуганный таким упор-

ством змеи, король обратился в бегство, спотыкаясь на дорожке и оглядываясь, чтобы посмотреть, преследует ли его змея. Да, так оно и было. Король пробежал вдоль увитых розами оград, проскользнул меж фигурно подстриженными кустами и не останавливался до тех пор, пока не добрался до стоявшей у подножия холма хижины отшельника.

Но сегодня, с головой, занятой мыслями о воре, король быстро прошёл через сады, обрадовавшись, что не встретил змею. Прежде чем постучать в серую деревянную дверь, он сосредоточился. Хижина отшельника представляла собой простое квадратное здание. Она была построена из камней, взятых в протекавшей чуть ниже реке, и даже в такой солнечный и тёплый день, как сегодня, её стены пахли водой.

Король услышал звук отодвигаемого засова, и из открывшейся двери на него повеяло прохладой. Войдя в тёмную прихожую, он сощурился: после яркого солнца здесь он едва мог различить знакомый силуэт отшельника.

Глава 9

Кошелёв

Пия и Энцио стояли в кустах возле реки. Вокруг разливались тишина и умиротворение, прерываемые лишь стрёкотом кузнечиков. С одной стороны, скрывая ребят своей тенью, высились вековые дубы. С другой стороны пространство до самого берега поросло травой, а ярко-синее небо было высоко и чисто. Лишь одно пушистое облако плыло над их головами. Пии казалось, что оно похоже на кочан цветной капусты.

В руках Пия держала кожаный кошель с королевской печатью.

– Надо посмотреть, что там внутри, – сказала она.

Энцио кивнул.

– Нет ничего плохого в том, чтобы просто взглянуть, – продолжила Пия.

– Да, ничего в этом нет плохого.

– Это совершенно нормально – заглянуть внутрь.

– Так бы любой поступил.

Пия расправила складки на коже.

– Если нужно отдать это старухе Ферелли, то должны же мы по крайней мере знать, что отдаём?

– Ага. Разумеется.

Пия протянула кошель Энцио:

– Хочешь...

Энцио слегка отступил назад.

– Нет. Лучше ты.

– Что бы это ни было – мы же не можем его повредить, правда?

Энцио на мгновение задумался.

– Оно может быть хрупким.

Пия ещё раз взвесила кошель в руке.

– Не похоже на хрупкое.

– Открой.

– Прямо сейчас?

– Да.

Ребята отошли назад в глубину леса. Энцио расчистил от прошлогодней листвы небольшую полянку, и они опустились на колени.

Бережно сжав мешочек в одной руке, Пия высыпала его содержимое в раскрытую ладонь другой.

Теперь ребята могли рассмотреть свою находку: два небольших алых коралла, пара золотых медальонов, локон тёмных волос, перевязанный пурпурной лентой, и крохотный пергаментный свиток со словами, написанными чёрными витыми буквами, которые они не смогли прочитать.

Энцио сильнее всего заинтересовался одинаковыми медальонами. У обоих на одной стороне была королевская печать, а на другой – сложный гравированный рисунок, похожий то ли на лабиринт, то ли на вьющийся цветок.

Пия осмотрела кусочки коралла. По форме каждый из них напоминал небольшой рожок, символ удачи. Амулеты такого рода были довольно популярны – многие жители деревни

носили похожие в надежде, что они защитят их от malocchio, дурного глаза. Но у людей из деревни эти амулеты были вырезаны из дерева.

Коралловый Пия видела лишь однажды. А те два, которые она сейчас держала в руке, были обработаны гораздо тщательнее и сделаны из коралла гораздо более глубокого и чистого цвета, чем виденный ею прежде. А ещё Пия слышала, как в деревне поговаривали о рогах из золота, которые носили лишь члены королевской семьи.

Пия бережно прикоснулась к пряди волос, пальцами ощутив их мягкость. Поглаживая волосы и связывавшую их ленточку, она изучала буквы на свитке.

– Энцио, как ты думаешь, что там написано?

– Может, там есть ещё что-то? На обратной стороне?

– Нет, больше ничего.

Энцио показал на медальоны:

– Ну, это, по крайней мере, должно быть дорогим. Они золотые!

– Но какая между ними связь, интересно! Амулеты, прядь волос и записка?

– Может, в записке всё объясняется, а может, связи вообще нет, – ответил Энцио. – Может, это просто разные вещи, которые положили в один кошель.

– А зачем кто-то хотел украсть его?

– Золото. Сама подумай – сколько это может стоить?

– Итак, надо отнести это старухе Ферелли. Да ведь?

– Так приказал стражник.

– А если мы не...

– Он сказал, что это будет считаться воровством.

Пия намотала на палец пурпурную ленту.

– Но прямо сейчас... Сейчас мы... Мы ведь просто нашли все эти вещицы, правда?

Энцио внимательно посмотрел в лицо Пии, пытаясь прочесть её мысли.

– Да, – согласился он. – Мы просто нашли все эти вещицы на тропинке.

– А стражник же ничего не сказал о том, когда мы должны отнести найденное к старухе Ферелли?

– Нет, не сказал.

– Получается, – заключила Пия, – что мы не обязаны отнести ей это прямо сейчас?

Энцио улыбнулся.

– Он ничего не говорил про прямо сейчас.

Глава 10

Отшельник

Отшельник указал королю на соломенную циновку, и тот, скрестив ноги, сел на пол, на своё обычное место. Отшельник сел напротив на такой же циновке. Ни один из них до сих пор не проронил ни слова, ибо таковы были правила отшельничества: тишина – превыше всего.

Королю хотелось иметь собственного отшельника, и, хотя он знал, что люди называли это его «причудой», не спорил. Королю позволительно иметь причуды. Впервые желание заполучить отшельника возникло у него, когда его посетил граф Волюмнии.

Граф очень любил путешествовать, а ещё больше – рассказывать о своих открытиях, большинство которых сводилось к тому, чем за последнее время обзавелись другие дворяне.

Во время своего визита к королю граф упомянул, что считает это «самой поразительной новинкой» из всего занимательного, что ему удалось обнаружить за последнее время: владелец большого поместья построил на отшибе небольшой домик и поселил в нём отшельника.

– Но зачем? – спросил король.

– Потому что ему захотелось созерцания, – ответил граф.

– Но почему отшельник?

– Отшельник весь день проводит, созерцая вселенную. Думая о духовном. О вдохновении. Он потратил уйму времени на поиски правильного отшельника.

– Но зачем... Почему... Какая в этом польза для хозяина поместья? – не унимался король.

– Задача отшельника, его цель – вдохновлять своего хозяина, делиться с ним просветлением и мудростью.

– О, – протянул король. – Просветление... Мудрость...

Вообще-то король не очень стремился к просветлению и мудрости, но он подумал, что ему стоит идти в ногу со временем и завести в замке собственного отшельника.

И чем больше он об этом думал, тем сильнее эта мысль увлекала его, и вскоре дюжина людей короля отправились по его приказу в окрестные земли на поиск идеального отшельника.

Несколько месяцев спустя, когда король уже сердился, что поиски так затянулись, к нему привели отшельника. Королевский стражник, который привёл его, сказал:

– Это идеальный отшельник. Он просветлён. Он мудр.

– А как ты об этом узнал? – спросил король.

– Все так говорят.

– Все?

– Да, все.

Так король впервые увидел отшельника, высокого худого мужчину с пышной седой шевелюрой и тёмными, большими и добрыми глазами.

Двигался он медленно и изящно, а когда король обращался к нему, отвечал тихо, почти беззвучно. Король изложил своё предложение: он построит близ замка небольшой до-

мик, и отшельник будет в нём жить, и единственной его обязанностью будет созерцать вселенную и делиться своей мудростью с королём.

– У меня есть определённые обязательства перед семьёй, – ответил отшельник.

Эта новость была неприятна. Король не хотел никаких на хлебников, типа жены, детей или престарелых родителей. В замке и так очень много людей. Ужасно много! Король хотел только тихого отшельника. Когда же отшельник объяснил, в чём состояли его обязательства перед семьёй, король очень обрадовался, потому что их можно было уладить, отдав всего несколько простых распоряжений. И тогда отшельник – *один* – хотел и мог стать личным королевским отшельником.

– Кого-кого? – переспросила королева, когда король сообщил ей о своём намерении поселить в своих землях отшельника. – Ты сказал отшельника? Мне не слышалось?

– Да-да, отшельника. Советника в делах просветления и мудрости.

Королева приподняла бровь, но воздержалась от дальнейших расспросов, потому что король, судя по всему, был настроен решительно. Кроме того, ей стало интересно, какие просветление и мудрость сможет дать отшельник.

– Прекрасно, Гвидо, милый! Я с удовольствием познакомлюсь с твоим отшельником.

– Эмм... – пробормотал король. – Не забывай – это мой отшельник. Скорее всего, ты его не увидишь.

– О... – протянула королева разочарованно. – Хорошо, Гвидо.

Вскоре каменный дом был построен, и отшельник приехал. И он жил в своей тихой пустыне уже почти десять лет.

Некоторое время король и отшельник молча сидели друг против друга. Наконец король заговорил:

– Отшельник, сегодня нам доложили, что у нас появился вор.

Отшельник кивнул.

– Вор! В нашем королевстве отродясь не бывало воров! Я даже не слыхивал о таком. Можешь себе представить, как это тревожно.

Отшельник снова кивнул.

Король пересказал путаное сообщение министра обороны о чёрном человеке с мешком, пробежавшем через двор, вскочившем на вороную лошадь и ускакавшем в неизвестном направлении. Король сказал также, что велел учётчикам проверить, что украдено, и распорядился поймать вора. Отшельник слушал его и кивал.

Первое время, когда король приходил к отшельнику, его очень раздражали эти молчаливые кивки, но потом он привык к сдержанным манерам старика и начал находить в них удовольствие. Тот никогда с ним не спорил, не приставал к нему с расспросами. Отшельник слушал молча, не осуждая, а когда был готов, отвечал краткой тщательно обдуманной

фразой.

Эти несколько слов, по мнению короля, были полны мудрости или просветления, и он гордился и был признателен за то, что стал единственным адресатом мудрых и просветлённых изречений собственного отшельника.

На этот раз, когда король закончил свой рассказ о воре, отшельник сложил руки и закрыл глаза, как он делал обычно перед тем, как заговорить.

Король ждал без нетерпения: ему нравилось тихое уединение этого места, и он знал, что, после того как отшельник выскажется, ему будет пора уходить и вернуться в суету замка, к ожидавшим его обязанностям и исполнению долга.

Наконец отшельник заговорил.

– Вору, – произнёс он тихо и взвешенно, как обычно, – нужно то, чего у него нет.

Король дал этим словам пересечь расстояние между ним и отшельником и войти в свой разум.

– Вору, – повторил он, – нужно то, чего у него нет.

Это звучало очень мудро.

Глава 11

Мудрость

Королева всегда могла точно определить, что король побывал у отшельника, потому что на некоторое время он становился спокойней обычного, не ёрзал в жёстких одеждах, не жаловался и не зевал. Она находила его сидящим на троне, сложившего руки и задумчиво глядящего в глубь комнаты.

В этот день пополудни, когда под сводами замка всё ещё эхом отдавалось слово «вор», королева, проходя мимо тронного зала, заметила, что король спокойно сидит на троне. «Ага, – подумала она. – Стало быть, он побывал у отшельника». Она тихо вошла в комнату и тихо заскользила к королю по мраморному полу.

– Гвидо...

– Эмм?

– У тебя всё хорошо, Гвидо, милый?

Король кивнул почти так же, как это делал отшельник: медленно и степенно. Королева присела рядом с ним на собственный трон и стала ждать. Она знала, что скоро он заговорит, но этого не случится, если она рассердит его своими расспросами. Королева успела этому научиться. Она сложила руки так же, как сам король, и спокойно созерцала окружающее, наслаждаясь бархатным янтарным светом, струившимся сквозь витражное окно и нежно переливавшимся на мраморном полу.

– Вору, – торжественно возвестил король, – нужно то, чего

у него нет.

Эти слова казались полными смысла, но королева рассердилась, что это не пришло в голову ей самой. Немного подумав, она пришла к выводу, что знала это и раньше, просто никогда не облекала это знание в слова. Кроме того, она не сомневалась, что король повторяет это за отшельником, потому что она хорошо знала короля и была уверена, что он сам не способен на столь точное наблюдение.

– Это очень глубокая мысль, Гвидо, – сказала она, лоя себя на зависти к королю, у которого был собственный отшельник.

«Возможно, – подумала она (и уже не впервые), – мне тоже пора завести собственного отшельника».

– Стало быть, – продолжил король, – нам надо выяснить, чего нет у вора.

– Но, Гвидо, мы же даже не знаем, кто этот вор!

Король взглянул на неё, и королева прочла в его взгляде недовольство. Покой, принесённый от отшельника, постепенно покидал его, и королева знала, что скоро он вернётся в своё обычное раздражённое состояние.

– Значит, нам нужно выяснить, – заявил король, – чего у кого-то нет, и тогда мы найдём вора.

Королева чуть не подпрыгнула на троне. Ей хотелось воскликнуть, что это чушь. Это же абсурд! У всякого человека чего-нибудь да нет! Но она сдержалась.

– Конечно, милый Гвидо, – ответила она и, улыбнувшись,

встала.

Собрав всё своё самообладание, королева тихо направилась к выходу. А выйдя из тронного зала, прижала обе руки ко рту, чтобы сдержать вопль негодования.

Три королевских наездника и девять человек их свиты медленно поднимались на холм, возвращаясь в замок. Принц Джанни, старший из них, сказал:

– Надеюсь, у нас нет никаких обязанностей сегодня вечером.

Принцесса Фабриция платком отогнала назойливую муху и ответила:

– Ну как же, Джанни. Сегодня у нас, разумеется, есть обязанности, потому что у нас будут гости – граф Волюмнии...

– О, нет! – воскликнул принц Вито. – Только не этот подобострастный граф со своей подобострастной женой! – Вито и так уже был очень раздражён этой вынужденно медлительной скучной поездкой, в то время как больше всего на свете ему хотелось сейчас нестись через поля, нырять в ручьи и скакать изо всех сил, на пределе возможностей.

– Подобострастный? – переспросил принц Джанни, ненавидевший, когда его брат произносил подобные слова, потому что он не знал, что они значат. Где Вито набрался таких слов? А сам Джанни – может, он тоже их слышал, но забыл?

– Подобострастный значит «подлизывающийся», – пояснил принц Вито. – Это та мерзость, которую граф постоянно

делает, всякие его: «О, благородный король Гвидо!» и «О, прекраснейшая королева Габриэла!». Мне прямо так и хочется запустить в него капустой.

Принцесса Фабриция хихикнула:

– Вито, такое поведение не подходит принцу.

Принц Вито в ответ хлестнул свою лошадь кнутом и поскакал вперёд, оставив брата с сестрой кашлять в поднятых им клубках пыли. Принц Вито и трое следовавших за ним стражников, которым запрещалось оставлять королевских детей без присмотра, неслись на вершину холма, к внешним воротам замка. Вито стремительно проскакал через ворота и резко свернул направо, зная, что они хотя бы ненадолго потеряют его из виду, и это их испугает и разозлит.

Перед хижиной отшельника принц Вито придержал коня. Внутри за узким проёмом в стене – пустым окном, завешенным промасленной тряпкой, мелькнула какая-то тень. Отшельник никогда не интересовал принца Вито. Если он и думал что-то о нём – старом человеке с шаркающей походкой, который редко появлялся снаружи, – то это было презрение. «Такое нелепое существо», – думал принц Вито. Но сегодня, сидя верхом и сбежав от своей свиты, он ощутил любопытство. Чем этот отшельник занимается целыми днями?

Рябая рука отодвинула занавеску, и отшельник прямо взглянул на принца. Он не улыбался и не кланялся, как это было принято у придворных: он просто стоял и смотрел на Вито своими спокойными тёмными глазами. Но было в его

взгляде что-то ещё – что-то беспокоящее и тревожное.

Принц хотел было велеть старику поклониться, но услышал приближающийся цокот копыт под конями королевских стражников. Он резко пришпорил лошадь и умчался прочь, забыв об отшельнике.

Глава 12

Старуха

Лавочник Пангини тряс плёткой перед лицами Пии и Энцио.

– Где вы шлялись, мерзкие грязные насекомые? Всё лодырничаете? Где моя еда, девка? Мальчик, марш в лавку. подмени Рокко, чтобы он мог поесть. Вот ведь болваны! Бездельники!

Пия вытащила хлеб из корзинки, разожгла огонь и помешала ложкой рагу, приготовленное ею ещё накануне. Вопли Пангини её не трогали. Он всегда так себя вёл: шумел и нагонял страха, и в этом не было ни малейшего смысла. Часто во время его тирад Пия представляла себе, что поднимается в воздух, вылетает за дверь и летит над крышами, через реку, вверх-вниз с потоками воздуха, на холм – до самого Замка Корона.

Однако сегодня, пока Пия помешивала еду для хозяина, её мысли были поглощены другим. Они с Энцио спрятали кошель высоко на кряжистом дубе. Они пользовались этим тайником и раньше: там, где от ствола отходила толстая ветка, было небольшое плотное углубление в форме чаши. Две ветки под ним образовывали удобную площадку, на которой они провели в мечтаниях об иной жизни львиную долю того времени, которое им удавалось урвать от повседневных забот.

Заводилой в этих играх воображения обычно была Пия.

– Энцио, – говорила она. – Как ты думаешь, откуда мы

взялись? Может, мы родились в королевской семье, на которую напали разбойники, и нашим родителям пришлось отдать нас и тем самым спасти.

Энцио, со своей стороны, умел развивать сценарий:

– Сначала они отдали нас доброй и заботливой женщине, правда?

– Но эта женщина... Она сорвалась со скалы...

– Когда пасла коз...

– Да-да, я люблю коз. Отлично, Энцио! А потом явился гнусный Пангини и утащил нас...

– Он был мерзким, грубым человеком...

– Очень большим, толстым, мерзким, грубым человеком...

Так они и разговаривали, представляя себе свою прошлую жизнь и вновь и вновь попадая к мерзкому грубому Пангини. Если у них оставалось время, они фантазировали о том, что ждёт их дальше.

– Энцио, когда-нибудь наша бывшая семья найдёт нас, и мы вернёмся в замок...

– Где будем ездить на белых лошадях и есть изысканные яства...

Эти образы сопровождали их на обратном пути в лачугу Пангини, придавая им сил в повседневных хлопотах и укрепляя их терпение посреди бед жизни с Пангини.

Помешивая рагу для Пангини, Пия с надеждой думала о том, что спрятанный на дубе кошель будет в безопасности до

тех пор, пока они с Энцио не решат, что с ним делать. Пия ощущала зуд любопытства. Кому принадлежало содержимое этого мешочка? Кто украл его? Зачем украли?

– Еды! – приказал Пангини. – Думаешь, я могу весь день трудиться на голодный желудок?

Пия поставила перед ним миску с тушёным мясом и толстыми ломтями хлеба и кружку эля. Подав еду, она чуть отступила назад, надеясь, что им с Энцио останутся объедки, хотя и знала, как велик аппетит её хозяина. Она размышляла о том, как человек, который так мало работает, может потреблять так много еды. Работой в его понимании было ходить взад-вперёд перед своим прилавком на рынке, покрикивая на работника Рокко. «Оборви верхние листы у этой капусты – кто её купит, если она выглядит, как гнилая?!», или «Сложи апельсины горкой! Горкой, тебе говорят! Не бесформенной грудой!», или «Будь повнимательней с помощником повара – он любит распахать всякой всячины по карманам, пока ты не смотришь!».

Энцио опрометью мчался по грязной тропинке, ведущей на рынок. Он был рад скрыться с глаз хозяина, но жалел, что Пия осталась под надзором Пангини. День был прекрасен: ясное небо блистало синевой, а напоённый ароматами свежих цветов и фруктов воздух оживлялся дуновением лёгкого ветерка.

Рокко, облокотясь на прилавок, болтал с какой-то кре-

стьянкой. Это был невысокий крепкий молодой человек, ленивый, но добродушный. Рокко отдал Энцио свой фартук с глубокими карманами, где позвякивали монетки для сдачи, и подмигнул девушке.

Энцио любил проводить время в лавке, вдали от хозяина, наблюдая за людьми вокруг, слушая свежие сплетни и здороваясь со знакомыми. За ловкость и быстроту жители деревни прозвали его Мальчик-лань.

Именно так поздоровался с ним подошедший старик.

– Здравствуй, Мальчик-лань! Есть у тебя дыни сегодня? Дай-ка глянуть – что там водится у Пангини в его затейливых ящиках...

Энцио помог старику выбрать дыни. Складывая их в его мешок, он ненадолго замешкался, потому что заметил в глубине лавки старуху Ферелли, перебиравшую ароматные грозди тёмного винограда. Энцио отвернулся от неё, внезапно ощутив себя виноватым. *Если найдёте что-нибудь, идите к старухе Ферелли, велел королевский стражник.*

В том, что синьора Ферелли зашла в лавку, не было ничего необычного, но Энцио ощутил, что она пришла для чего-то другого, как если бы знала, что они с Пией нашли кошель. Он занялся раскладыванием апельсинов, втайне надеясь, что старушка уйдёт, но она осталась и наконец подошла к нему, держа в руках две большие фиолетовые виноградные грозди.

– Я их покупаю, – сказала она, шаря в кошельке. У неё был скрипучий голос, похожий на скрип ржавой пилы по метал-

лу. – У тебя всё хорошо, Мальчик-ланы?

– Да, синьора Ферелли. А у вас?

Синьора Ферелли пожала плечами:

– Я стара. Я слишком многое вижу. И слишком многое слышу.

Энцио положил виноград ей в сумку и вернул монеты, отказываясь от оплаты.

– Люди вам доверяют, – сказал он.

– Что? Доверяют мне? – она внимательно вглядывалась в лицо Энцио. – Итак, они мне доверяют. Это правда.

– Доброго вам дня, – добавил Энцио.

– О! Это немаловажно. И тебе доброго дня.

– Дайте мне капусты! – окликнула Энцио подошедшая крестьянская девушка. – Три кочана!

Пока Энцио обслуживал девушку, старуха Ферелли исчезла, но волнение Энцио из-за украденного кошелья никуда не делось.

Глава 13

Приготовления

Пополудни королю удалось избежать приёма посетителей, поскольку их прибытие отложилось, так что он позволил себе улечься и вволю подремать. Проснувшись, он ощутил холодок подушки на щеке.

Королю не хотелось вылезать из постели. Сразу по пробуждении он подумал о скромном отшельнике, но эти мысли напомнили ему о сказанных тем словах: Вору нужно то, чего у него нет. Король немедленно рассердился. «Теперь мне приходится разбираться с этим делом про вора. И чего он заявился именно сейчас?» Ему предстояло ещё принимать посетителей – графа и графиню Волумнии с их бесконечной болтовнёй.

Пока король дремал, королева прогуливалась в тихом уголке сада, по грабовым аллеям – длинным прохладным зелёным коридорам, образованным из плотно сплетённых ветвей граба. Туннель, получившийся из переплетения веток, был тем местом, куда она ходила, чтобы успокоиться: здесь было тихо и умиротворённо, и именно тут она обрела вдохновение. Среди этих благородных деревьев она ощущала себя возвышенной и благородней.

Здесь она вспоминала о своих обязанностях, налагаемых королевским титулом: не о бессмысленных ежедневных приёмах посетителей, а о том, что связано с символическим статусом королевской семьи: быть выше повседневных забот и являть миру пример чести и благородства. Уже на середине

пути она выпрямлялась и шла дальше уже более уверенно, внимая пению птиц и наслаждаясь чистым свежим ароматом деревьев.

К концу аллеи королева ощутила себя посвежевшей, но это чувство быстро развеялось, поскольку, выйдя из сада, она увидела перед входом в замок блестящую чёрную карету графа и графини Волюмнии. Настроение у королевы сразу испортилось. Чтобы не видеть своих гостей, она перевела взгляд в противоположную сторону. Там, у подножия холма, она увидела хижину отшельника. Ей хотелось бы побежать вниз по склону и зайти в этот маленький каменный скит. Её раздражало, что ей было запрещено ходить туда.

Стремясь как-то улучшить своё настроение, королева пообещала себе, что заведёт собственного отшельника или отшельницу («Да-да, – подумала она, – почему бы отшельнику не быть женщиной?»), которая будет жить в собственном уединённом скиту, куда королева сможет уходить, чтобы обрести мудрость и просветление. Приняв такое решение, королева направилась обратно, вверх по холму, чтобы подготовиться к приёму гостей.

Принц Джанни, наследник престола, облокотился на подоконник, рассеянно глядя во двор, пока первый камердинер первого принца готовил одежду, которую тому надлежало надеть этим вечером. Принц видел, как графская блестящая чёрная карета въехала на территорию замка.

– Фу, – пробормотал он. – Граф приехал.

Принц осмотрел стены замка и вид за воротами: бесконечные сады, стены, пологий луг, змеящуюся внизу реку и красные черепичные крыши деревни вдали. Он ощутил безотчётную тоску – но тоску о чём?

Тем временем его младший брат Вито стоял в своих покоях на большом деревянном сундуке, размахивая мечом.

– На тебе! Вот так! И ещё! – Он сражался с воображаемыми ужасными врагами, огромными, одетыми в чёрное людьми. – На тебе! – Он победил всех их, одного за другим, и спрыгнул с сундука, подбоченясь. – Я Защитник нашего Королевства! – кричал он.

Принцесса Фабриция сидела за своим туалетным столиком, а фрейлина расчёсывала ей волосы, вплетая в кудри голубые шёлковые ленты. Принцесса повертела головой во все стороны.

– Выглядит мило, не правда ли?

– Да, принцесса Фабриция, вы правы.

Принцесса потрогала тонкие кружева на манжетах своих рукавов.

– А это кружево: оно самое изысканное?

– Да, принцесса Фабриция.

Принцесса посмотрела на себя в зеркало и вздохнула.

– Но это же кошмар, не правда ли, что всё это очарование будет истрачено на графа с графиней? Ни одного юного принца в округе, вообще никаких молодых людей вокруг!

– Да, принцесса Фабриция, это кошмар.

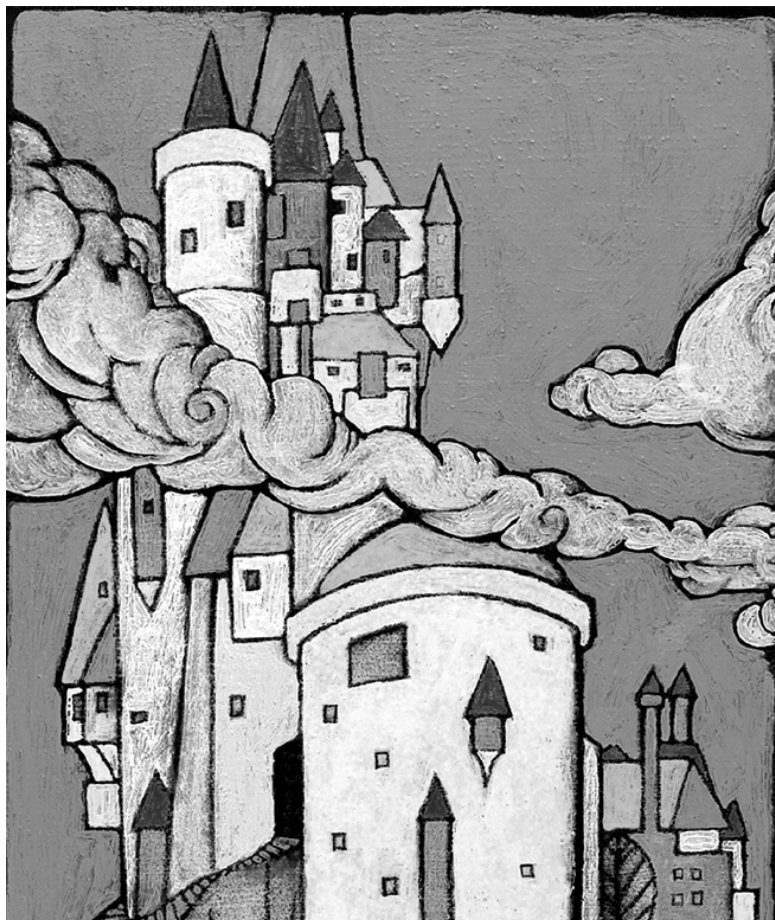
Принцесса вздохнула.

– Кому нужна вся эта прелесть?

Фрейлина промолчала, потому что нередко сама задавалась подобными вопросами и не знала, что ответить принцессе.

Глава 14

Граф и графиня

Принц Вито стоял в холле у подножия витой мраморной лестницы. В тоске ожидая появления графа и графини Волюмнии, принц постукивал блестящим носком туфли по нижней ступеньке. Он поймал себя на том, что думает об отшельнике, и удивился, почему этот старик застрял у него в мозгу. Принц Вито завидовал, что тот свободен от необходимости постоянно принимать посетителей и у него нет никаких повседневных обязанностей, но при мысли об уединённости жизни отшельника он поёжился.

Шорох вверху возвестил о том, что граф и графиня Волюмнии начали спускаться. Вскоре появились и они сами во всём своём великолепии: расфуфыренные, все в лентах и шуршащей материи – два толстеньких человечка, облачённых в светло-зелёные одежды, делавшие их похожими на большие незрелые груши.

Зелёное бархатное платье графини, украшенное голубыми с золотом лентами и оборками, мерно колыхалось на ней, пока она шла, опершись на руку мужа. Огромные ноги были обуты в пурпурные атласные туфли, голову украшала зеленовато-голубая диадема, торчавшая по бокам ото лба как два больших рога. Глядя вниз на принца Вито, она раскраснелась и взмахнула свободной рукой в широком приветственном жесте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.